

Иван Тургенев

Бретёр

Иван Тургенев

Бретёр

«Public Domain»

1847

Тургенев И. С.

Бретёр / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1847

Тургеневский «Бретёр» воплощал типическое явление русской провинциальной жизни 1840-х годов – явление, возникшее отчасти под влиянием Печорина, но отличавшееся от него душевной пустотой, умственным убожеством и пошлостью. При известной художественной незрелости «Бретёра» остается бесспорным, что Тургенев создал в этой повести жизненно правдивый, типический характер и дал ему правильную социально-этическую оценку.

Содержание

I	5
II	8
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Иван Сергеевич Тургенев

Бретёр^{1}

I

...ий кирасирский полк квартировал в 1829 году в селе Кириллове, К...ской губернии. Это село с своими избушками и скирдами, зелеными конопляниками и тощими раки-тами издали казалось островом среди необозримого моря распаханых черноземных полей. Посреди села находился небольшой пруд, вечно покрытый гусиным пухом, с грязными, изры-тыми берегами; во ста шагах от пруда, на другой стороне дороги, высился господский дере-вянный дом, давно пустой и печально подавшийся набок; за домом тянулся заброшенный сад; в саду росли старые, бесплодные яблони, высокие березы, усеянные вороньими гнездами; на конце главной аллеи, в маленьком домишке (бывшей господской бане) жил дряхлый дворец-кий и, покрёхтывая да покашливая, каждое утро, по старой привычке, тащился через сад в барские покои, хотя в них нечего было стеречь, кроме дюжины белых кресел, обитых полиня-лым штофом, двух пузатых комодов на кривых ножках, с медными ручками, четырех дырявых картин и одного черного арапа из алебаstra с отбитым носом. Владелец этого дома, молодой и беспечный человек, жил то в Петербурге, то за границей – и совершенно позабыл о своем поместье. Оно досталось ему лет восемь тому назад от престарелого дяди, известного неко-гда всему околотку своими отличными наливками. Пустые темно-зеленые бутылки до сих пор еще валялись в кладовой вместе с разным хламом, скупно исписанными тетрадами в пестрых переплетах, старинными стеклянными люстрами, дворянским мундиром времен Екатерины, заржавевшей шпагой с стальной рукояткой и т. д. В одном из флигелей помещался сам пол-ковник, человек женатый, высокого роста, скупой на слова, угрюмый и сонливый. В другом флигеле жил полковой адъютант, чувствительный и раздушенный человек, охотник до цветов и до бабочек. Общество гг. офицеров ...го полка не отличалось от всякого другого общества. В числе их были хорошие и дурные, умные и пустые люди... Между ними некто Авдей Ива-нович Лучков, штабс-ротмистр, слыл бретёром. Лучков был роста небольшого, неказист; лицо имел малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькие, черные, черты лица обыкновенные и тем-ные глазки. Он рано остался сиротой, вырос в нужде и загоне. По целым неделям вел он себя тихо... и вдруг – словно бес какой им овладеет – ко всем пристаёт, всем надоедает, всем нагло смотрит в глаза; ну так и напрашивается на ссору. Впрочем, Авдей Иванович не чуждался своих сослуживцев, но в дружбе состоял с одним только раздушенным адъютантом; в карты не играл и не пил вина.

В мае 1829 года, незадолго до начатия учений, прибыл в полк молодой корнет Федор Федорович Кистер, русский дворянин немецкого происхождения, очень белокурый и очень скромный, образованный и начитанный. Он до двадцатилетнего возраста жил в родительском доме под крылышками матушки, бабушки и двух тетушек; поступил же в военную службу единственно по желанию бабушки, которая даже под старость не могла без волнения видеть белый султан... Он служил без особенной охоты, но с усердием, точно и добросовестно испол-нял долг свой; одевался не щеголевато, но чисто и по форме. В первый же день своего приезда Федор Федорович явился к начальникам; потом начал устраивать свою квартиру. Он привез с собою дешевенькие обои, коврики, полочки и т. д., оклеил все стены, двери, наделал раз-ных перегородок, велел вычистить двор, перестроил конюшню, кухню, отвел даже место для ванны... Целую неделю хлопотал он; зато любо было потом войти в его комнату. Перед окнами стоял опрятный стол, покрытый разными вещицами; в углу находилась полочка для книг с

бюстами Шиллера и Гёте; на стенах висели ландкарты, четыре греведоновские головки^{2} и охотничье ружье; возле стола стройно возвышался ряд трубок с исправными мундштуками; в сенях на полу лежал коврик; все двери запирались на замок; окна завешивались гардинами. Всё в комнате Федора Федоровича дышало порядком и чистотой. То ли дело у других товарищей! К иному едва проберешься через грязный двор; в сенях, за облупившимися парусинными ширмами, храпит денщик; на полу – гнилая солома; на плите – сапоги и доньшко банки, залитое ваксой; в самой комнате – покоробленный ломберный стол, исписанный мелом; на столе стаканы, до половины наполненные холодным темно-бурым чаем; у стены – широкий, проломленный, замасленный диван; на окнах – трубочный пепел... На неуклюжем и пухлом кресле восседает сам хозяин в шлафроке травяного цвета с малиновыми плисовыми отворотами и вышитой ермолке азиатского происхождения, а возле хозяина храпит безобразно толстый и негодный пес в вонючем медном ошейнике... Все двери всегда настезь...

Федор Федорович понравился своим новым товарищам. Они его полюбили за добродушие, скромность, сердечную теплоту и природную склонность ко «всему прекрасному» – словом, за всё то, что в другом офицере нашли бы, может быть, неуместным. Кистера прозвали красной девушкой и обращались с ним нежно и кротко. Один Авдей Иванович поглядывал на него косо. Однажды, после ученья, Лучков подошел к нему, слегка сжимая губы и расширяя ноздри.

– Здравствуйте, господин Кнастер.

Кистер взглянул на него с недоумением.

– Мое почтение, господин Кнастер, – повторил Лучков.

– Меня зовут Кистер, милостивый государь.

– Вот как-с, господин Кнастер.

Федор Федорович обернулся к нему спиной и пошел домой. Лучков с усмешкой посмотрел ему вслед.

На другой день он, тотчас после ученья, опять подошел к Кистеру.

– Ну, как вы поживаете, господин Киндербальзам?

Кистер вспыхнул и посмотрел ему прямо в лицо. Маленькие, желчные глазки Авдея Ивановича засветились злобной радостью.

– Я с вами говорю, господин Киндербальзам!

– Милостивый государь, – отвечал ему Федор Федорович, – я нахожу вашу шутку глупую и неприличную – слышите ли? глупую и неприличную.

– Когда мы деремся? – спокойно возразил Лучков.

– Когда вы хотите... хоть завтра.

На другое утро они дрались. Лучков легко ранил Кистера и, к крайнему удивлению секундантов, подошел к раненому, взял его за руку и попросил у него извиненья. Кистер просидел дома две недели; Авдей Иванович несколько раз заходил навестить больного, а по выздоровлении Федора Федоровича подружился с ним. Понравилась ли ему решительность молодого офицера, пробудилось ли в его душе чувство, похожее на раскаянье, – решить мудрено... но со времени поединка с Кистером Авдей Иванович почти не расставался с ним и называл его сперва Федором, потом и Федей. В его присутствии он делался иным человеком, и – странное дело! – не в свою пользу. Ему не шло быть кротким и мягким. Сочувствия он все-таки возбуждать ни в ком не мог: уж такова была его судьба! Он принадлежал к числу людей, которым как будто дано право власти над другими; но природа отказала ему в дарованиях – необходи-

^{2} ...на стенах висели ~ четыре греведоновские головки... – Анри Греведон (1776–1860) – французский художник, портретист и литограф. В 1804–1812 гг. он жил в России, где был избран членом Академии художеств. Проведя затем несколько лет в Стокгольме и в Лондоне, Греведон в 1816 г. возвратился в Париж. В 1820–1830-х годах он создал несколько серий женских литографированных портретов. Литографии Греведона получили широкое распространение во всех европейских странах, в том числе и в России, не раньше середины 1820-х годов.

мом оправдании подобного права. Не получив образования, не отличаясь умом, он не должен бы был разоблачаться; может быть, ожесточение в нем происходило именно от сознания недостатков своего воспитания, от желанья скрыть себя всего под одну неизменную личину. Авдей Иванович сперва заставлял себя презирать людей; потом заметил, что их пугнуть нетрудно, и действительно стал их презирать. Лучкову было весело прекращать одним появлением своим всякий не совсем пошлый разговор. «Я ничего не знаю и ничему не учился, да и способностей у меня нет, – думал он про себя, – так и вы ничего не знайте и не выказывайте своих способностей при мне...» Кистер, быть может, потому заставил Лучкова выйти, наконец, из своей роли, что до знакомства с ним бретёр не встретил ни одного человека действительно «идеального», то есть бескорыстно и добродушно занятого мечтами, а потому снисходительного и не самолюбивого.

Бывало, Авдей Иванович придет поутру к Кистеру, закурит трубку и тихонько присядет на кресла. Лучков при Кистере не стыдился своего невежества; он надеялся – и недаром – на его немецкую скромность.

– Ну, что? – начинал он. – Что вчера поделывал? Читал небось, а?

– Да, читал...

– А что ж такое читал? Расскажи-ка, братец, расскажи-ка. – Авдей Иванович до конца придерживался насмешливого тона.

– Читал, брат, «Идиллию» Клейста.^{3} Ах, как хорошо! Позволь, я переведу тебе несколько строк. – И Кистер с жаром переводил, а Лучков, наморщив лоб и стиснув губы, слушал внимательно...

– Да, да, – твердил он поспешно, с неприятной улыбкой, – хорошо... очень хорошо... Я, помнится, это читал... хорошо.

– Скажи мне, пожалуйста, – прибавлял он протяжно и как будто нехотя, – какого ты мнения о Людовике Четырнадцатом?

И Кистер пускался толковать о Людовике XIV. А Лучков слушал, многого не понимал вовсе, иное понимал криво... и, наконец, решился сделать замечание... Его бросало в пот: «Ну, если я совру?» – думал он. И действительно, врал он часто, но Кистер никогда резко не возражал ему: добрый юноша душевно радовался тому, что вот, дескать, в человеке пробуждается охота к просвещению. Увы! Авдей Иванович расспрашивал Кистера не из охоты к просвещению, а так, бог знает отчего. Может быть, он желал сам удостовериться на деле, какая у него, Лучкова, голова: тупая, что ли, или только необделанная? «А я ведь в сущности глуп», – говорил он самому себе не раз с горькой усмешкой и вдруг выпрямлялся весь, нахально и дерзко глядел кругом и злобно улыбался, если замечал, что какой-нибудь товарищ опускал свой взгляд перед его взглядом. «То-то, брат, ученый, воспитанный... – шептал он сквозь зубы, – не хочешь ли... того?»

Господа офицеры недолго толковали о внезапной дружбе Кистера с Лучковым: они привыкли к странностям бретёра. «Связался же чёрт с младенцем!» – говорили они... Кистер повсюду с жаром выхвалял своего нового приятеля: с ним не спорили, потому что боялись Лучкова; сам же Лучков никогда при других не упоминал имени Кистера, но перестал знаться с раздушенным адъютантом.

^{3} Читал, брат, «Идиллию» Клейста. – Кистер читал, но всей вероятности, стихотворение немецкого поэта-романтика и драматурга Генриха Клейста (1777–1811) «Dor Schrecken im Bade» («Испуг во время купанья»), с подзаголовком «Идиллия». Однако не исключено, что Тургенев имел в виду одну из идиллий поэта XVIII века Эвальда-Христиана Клейста (1715–1759).

II

Помещики южной России большие охотники давать балы, приглашать к себе на дом гг. офицеров и выдавать своих дочерей замуж. В десяти верстах от села Кириллова жил именно такой помещик, некто господин Перекаатов, владелец четырехсот душ и довольно просторного дома. У него была дочь лет восемнадцати, Машенька, и жена, Ненила Макарьевна. Господин Перекаатов служил некогда в кавалерии, но по любви к деревенской жизни, по лени вышел в отставку и начал жить себе потихоньку, как живут помещики средней руки. Ненила Макарьевна происходила не совершенно законным образом от знатного московского барина.

Покровитель ее воспитывал свою Ненилушку весьма, как говорится, тщательно, в собственном доме, но сбыв ее с рук довольно поспешно, по первому востребованию, как ненадежный товар. Ненила Макарьевна была нехороша собой: знатный барин давал за ней всего тысячу десять приданого; она ухватилась за господина Перекаатова. Господину Перекаатову показалось весьма лестным жениться на барышне воспитанной, умной... ну, да, наконец, всё же состоявшейся в родстве с знатным сановником. Сановник этот и после брака оказывал супругам свое покровительство, то есть принимал от них в подарок соленых перепелок и говорил Перекаатову: «ты, братец», а иногда просто: «ты». Ненила Макарьевна совершенно завладела мужем, хозяйничала и распоряжалась всем именем – весьма, впрочем, умно; во всяком случае гораздо лучше самого господина Перекаатова. Она не слишком притесняла своего сожителя, но держала его в руках, сама заказывала ему платье и наряжала его по-английски, как оно и прилично помещику; по ее приказанию господин Перекаатов завел у себя на подбородке эспаньолку для прикрытия большой бородавки, похожей на переспелую малину; Ненила Макарьевна, с своей стороны, объявила гостям, что муж ее играет на флейте и что все флейтисты под нижней губой отпускают себе волосы: ловчее держать инструмент. Господин Перекаатов с утра ходил в высоком чистом галстухе, причесанный и вымытый. Впрочем, он был своей судьбой весьма доволен: обедал всегда очень вкусно, делал что хотел и спал сколько мог.

Ненила Макарьевна завела, как говорили соседи, у себя в доме «иностранный порядок»: держала мало людей, одевала их опрятно. Честолюбие ее мучило; она хотела попасть хоть в уездные предводительши, но дворяне...го уезда хоть и наедались у ней всласть, однако ж все-таки выбирали не ее мужа, а то отставного премьер-майора Буркольца, то отставного секунд-майора Бурундюкова. Господин Перекаатов казался им чересчур столичной штучкой.

Дочь господина Перекаатова, Машенька, с лица походила на отца. Ненила Макарьевна много хлопотала над ее воспитанием. Она хорошо говорила по-французски, играла порядочно на фортепьянах. Она была среднего роста, довольно полна и бела; ее несколько пухлое лицо оживлялось доброй, веселой улыбкой; русые, не слишком густые волосы, карие глазки, приятный голосок – всё в ней тихо нравилось, и только. Зато отсутствие жеманства, предрассудков, начитанность, необыкновенная в степной девице, свобода выражений, спокойная простота речей и взглядов невольно в ней поражали. Она развилась на воле; Ненила Макарьевна не стесняла ее.

Однажды поутру, часов в двенадцать, всё семейство Перекаатовых собралось в гостиную. Муж, в зеленом круглом фраке,^[4] высоком клетчатом галстухе и гороховых панталонах с штиблетами, стоял перед окном и с большим вниманием ловил мух. Дочь сидела за пяльцами; ее небольшая, полненькая ручка в черной митенке грациозно и медленно подымалась и опускалась над канвой. Ненила Макарьевна сидела на диване и молча посматривала на пол.

– Вы послали в...ий полк приглашение, Сергей Сергеич? – спросила она мужа.

[4] ...в зеленом круглом фраке... – В 1820–30-х годах в России были в моде английские фраки с округленными фалдами (см.: Русский костюм XIX века. М., 1960, с. 18–20).

– На сегодняшний вечер? Как же, ма шер, послал. (Ему запрещено было называть ее матушкой.) Как же!

– Совсем нет кавалеров, – продолжала Ненила Макарьевна. – Не с кем танцевать барышням.

Муж вздохнул, как будто отсутствие кавалеров его сокрушало.

– Маменька, – заговорила вдруг Маша, – мсьё Лучков приглашен?

– Какой Лучков?

– Он тоже офицер. Он, говорят, очень интересен.

– Как так?

– Да; он собой нехорош и немолод, но его все боятся. Он ужасный дуэлист. (Маменька слегка нахмурила брови.) Я бы очень желала его видеть...

Сергей Сергеевич перебил свою дочку.

– Что тут видеть, душа моя? Ты думаешь, он так и смотрит лордом Байроном? (В то время только что начинали у нас толковать о лорде Байроне.^[5]) Пустяки! Ведь и я, душа моя, в кои-то веки слыл забиякой.

Маша посмотрела с изумлением на родителя, засмеялась, потом вскочила и поцеловала его в щеку. Супруга слегка улыбнулась... а Сергей Сергеич не солгал.

– Не знаю, приедет ли этот господин, – промолвила Ненила Макарьевна. – Может быть, и он пожалует.

Дочка вздохнула.

– Смотри, не влюбись в него, – заметил Сергей Сергеич. – Я знаю, вы все такие теперь... того, восторженные...

– Нет, – простодушно возразила Маша.

Ненила Макарьевна холодно посмотрела на своего мужа. Сергей Сергеич с некоторым замешательством поиграл часовой цепочкой, взял со стола свою английскую, с широкими полями шляпу и отправился на хозяйство. Его собака робко и смиренно побежала вслед за ним. Как животное умное, она чувствовала, что и сам хозяин ее не слишком властный человек в доме, и вела себя скромно и осторожно.

Ненила Макарьевна подошла к дочери, тихонько подняла ей голову и ласково посмотрела ей в глаза. «Ты мне скажешь, когда ты влюбишься?» – спросила она.

Маша с улыбкой поцеловала руку матери и несколько раз утвердительно покачала головой.

– Смотри же, – заметила Ненила Макарьевна, погладила ее по щеке и вышла вслед за мужем. Маша прислонилась к спинке кресел, опустила голову на грудь, скрестила пальцы и долго глядела в окно, прищурив глазки... Легкая краска заиграла на свежих ее щеках; со вздохом выпрямилась она, принялась было шить, уронила иголку, оперла лицо на руку и, легонько покусывая кончики ногтей, задумалась... потом взглянула на свое плечо, на свою протянутую руку, встала, подошла к зеркалу, усмехнулась, надела шляпу и пошла в сад.

В тот же вечер, часов в восемь, начали съезжаться гости. Г-жа Перекатова весьма любезно принимала и «занимала» дам, Машенька – девиц; Сергей Сергеич толковал с помещиками о хозяйстве и то и дело взглядывал на жену. Начали появляться молодые франты, нарочно приехавшие попозже офицеры; наконец, вошел сам г-н полковник, в сопровождении своего адъютанта, Кистера и Лучкова. Он представил их хозяйке. Лучков молча поклонился; Кистер пробормотал обычное: «Весьма рад...» Г-н Перекатов подошел к полковнику, крепко пожал

[5] В то время только что начинали у нас толковать о лорде Байроне. – Первое упоминание в России о Байроне появилось в журнале «Российский музей», № 1 за 1815 г. Однако только в 1819–1820 гг. личность и творчество английского поэта привлекают всеобщее внимание русского общества и становятся предметом горячих споров (см. об этом: Маслов В. И. Начальный период байронизма в России. Киев, 1915, с. 1–48).

ему руку и с чувством посмотрел ему в глаза. Полковник немедленно насупился. Начались танцы. Кистер пригласил Машеньку. В то время процветал еще экосез.^[6]

– Скажите мне, пожалуйста, – сказала ему Маша, когда, проскакав раз двадцать до конца залы, они стали, наконец, в первые пары, – отчего ваш приятель не танцует?

– Какой приятель?

Маша концом веера указала на Лучкова.

– Он никогда не танцует, – возразил Кистер.

– Зачем же он приехал?

Кистер немного смешался.

– Он желал иметь удовольствие...

Машенька его перебила.

– Вы, кажется, недавно переведены в наш полк?

– В *ваш* полк, – заметил с улыбкой Кистер, – нет, недавно.

– Вы здесь не скучаете?

– Помилуйте... Я здесь нашел такое приятное общество... а природа!.. – Кистер пустился в описание природы. Маша слушала его, не поднимая головы. Авдей Иванович стоял в углу и равнодушно посматривал на танцующих.

– Сколько лет господину Лучкову? – спросила она вдруг.

– Лет... лет тридцать пять, я думаю, – возразил Кистер.

– Он, говорят, человек опасный... сердитый, – поспешно прибавила Маша.

– Он немного вспылчив... но, впрочем, он очень хороший человек.

– Говорят, все его боятся?

Кистер засмеялся.

– А вы?

– Мы с ним приятели.

– В самом деле?

– Вам, вам, вам, – кричали им со всех сторон. Они встрепенулись и пустились опять скакать боком через всю залу.

– Ну, поздравляю тебя, – сказал Лучкову Кистер, подходя к нему после танца, – хозяйская дочь то и дело расспрашивала меня о тебе.

– Неужели? – презрительно возразил Лучков.

– Честный человек! А ведь она очень собой хороша; посмотри-ка.^[7]

– А какая из них она?

Кистер указал ему Машу.

– А! недурна! – И Лучков зевнул.

– Холодный человек! – воскликнул Кистер и побежал приглашать другую девицу.

Авдею Ивановичу очень понравилось известие, сообщенное Кистером, хоть он и зевнул, и даже громко зевнул. Возбуждать любопытство – сильно льстило его самолюбию; любовь он презирал – на словах... а внутренне чувствовал сам, что трудно и хлопотно заставить полюбить

^[6] *В то время процветал еще экосез.* – Бальный танец экосез, происшедший от шотландского народного танца (по-французски *écossaise* – шотландский), получил распространение во Франции, а затем и в других европейских странах с первой четверти XVIII в. В России расцвет этого танца относится к первой четверти XIX в. (Ивановский Н. П. Бальный танец XVI–XIX вв. Л.; М., 1948, с. 123–124).

^[7] *Честный человек! А ведь она очень собой хороша; посмотри-ка.* – Г. В. Иванов в статье «„Честный“ или „черствый“?» (об одной фразе повести И. С. Тургенева „Бретёр“) пишет об «авторской опiske», считая, что вместо «честный человек» следует печатать «черствый человек» (Русская литература, 1976, № 1, с. 216). Это мнение оспаривает А. Г. Гаврилов, справедливо считающий, что выражение «честный человек» не относится к Лучкову: говорящий (Кистер) произносит эти слова о самом себе, «подтверждая, таким образом, истинность сообщения, вызвавшего сомнение у собеседника». Для подкрепления своих выводов А. К. Гаврилов ссылается на аналогичные примеры подобного употребления выражения «честный человек» в произведениях Пушкина («Капитанская дочка»), Лермонтова («Тамбовская казначейша»). Гоголя («Женитьба», «Мертвые души»). Статья А. К. Гаврилова публикуется в сб.: И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества (в печати).

себя. Трудно и хлопотно заставить полюбить себя; но весьма легко и просто прикидываться равнодушным, молчаливым гордецом. Авдей Иванович был дурен собою и немолод; но зато пользовался страшной славой – и, следовательно, имел право рисоваться. Он привык к горьким и безмолвным наслаждениям угрюмого одиночества; не в первый раз обращал он на себя внимание женщин; иные даже старались сблизиться с ним, но он их отталкивал с ожесточенным упрямством; он знал, что не к лицу ему нежность (в часы свиданий, откровений он становился сперва неловким и пошлым, а потом, с досады, грубым до плоскости, до оскорбления); он помнил, что две-три женщины, с которыми он некогда знался, охладели к нему тотчас после первых мгновений ближайшего знакомства и сами с поспешностью удалились от него... а потому он и решился, наконец, оставаться загадкой и презирать то, в чем судьба отказала ему... Другого презрения люди вообще, кажется, не знают. Всякое откровенное, произвольное, то есть доброе, проявление страсти не шло к Лучкову; он должен был постоянно сдерживать себя, даже когда злился. Одному Кистеру не становилось гадко, когда Лучков заливался хохотом; глаза доброго немца сверкали благородной радостью сочувствия, когда он читал Авдею любимые страницы из Шиллера, а бретёр сидел перед ним, понурив голову, как волк...

Кистер танцевал до упаду. Лучков не покидал своего уголка, хмурил брови, изредка украдкой взглядывал на Машу – и, встретив ее взоры, тотчас придавал глазам своим равнодушное выражение. Маша раза три танцевала с Кистером. Восторженный юноша возбудил ее доверенность. Она довольно весело болтала с ним, но на сердце ей было неловко. Лучков занимал ее.

Загремела мазурка. Офицеры пустились подпрыгивать, топая каблуками и подбрасывать плечами эполеты; статские тоже топали каблуками. Лучков всё не двигался с своего места и медленно следил глазами за мелькающими парами. Кто-то тронул его рукав... он оглянулся; его сосед указывал ему на Машу. Она стояла перед ним, не поднимая глаз, и протягивала ему руку. Лучков сперва посмотрел на нее с недоумением, потом равнодушно снял палаш, бросил шляпу на пол, неловко пробрался между кресел, взял Машу за руку – и пошел вдоль круга, без припрыжек и топаний, как бы нехотя исполняя неприятный долг... У Маши сильно билось сердце.

– Отчего вы не танцуете? – спросила она его, наконец.

– Я не охотник, – отвечал Лучков. – Где ваше место?

– Вон там-с.

Лучков довел Машу до ее стула, спокойно поклонился ей, спокойно вернулся в свой угол... но весело в нем шевельнулась желчь.

Кистер пригласил Машу.

– Какой ваш приятель странный!

– А он вас очень занимает... – сказал Федор Федорович, плутовски прищурился своими голубыми и добрыми глазами.

– Да... он, должно быть, очень несчастлив.

– Он несчастлив? С чего вы это взяли? – И Федор Федорович засмеялся.

– Вы не знаете... Вы не знаете... – Маша важно покачала головой.

– Да как же мне не знать?..

Маша опять покачала головой и взглянула на Лучкова. Авдей Иванович заметил этот взгляд, пожал незаметно плечами и вышел в другую комнату.

III

Прошло несколько месяцев с того вечера. Лучков ни разу не был у Перекатовых. Зато Кистер посещал их довольно часто. Ненила Макарьевна его любила, но не она привлекала Федора Федоровича, Маша ему нравилась. Как человек неопытный и невыболтавшийся, он находил большое удовольствие в обмене чувств и мыслей и добродушно верил в возможность возвышенной и спокойной дружбы между молодым человеком и молодой девушкой.

Однажды тройка сытых и резвых лошадок примчала его к дому г-на Перекатова. День был летний, душный и знойный. Нигде ни облака. Синева неба по краям сгустилась до того, что глаз принимал ее за грозовую тучу. Дом, построенный г-м Перекатовым на летнее жительство с обыкновенной степной предусмотрительностью, был обращен окнами прямо на солнце. Ненила Макарьевна с утра велела затворить все ставни. Кистер вошел в гостиную, прохладную и полумрачную. Свет ложился длинными чертами по полу, короткими и частыми полосками по стенам. Семейство Перекатовых ласково встретило Федора Федоровича. После обеда Ненила Макарьевна отправилась на отдых к себе в спальню; г. Перекатов уместился в гостиной на диване; Маша села подле окна за пядьцы; Кистер против нее. Маша, не раскрывая пядец, слегка приложилась к ним грудью и подперла голову руками. Кистер начал ей что-то рассказывать; она слушала его без внимания, как будто ждала чего-то, изредка взглядывала на отца и вдруг протянула руку.

– Послушайте, Федор Федорович... да только говорите потише... папенька заснул.

Действительно, г-н Перекатов, по обыкновению, заснул, сидя на диване, закинув голову и раскрыв немного рот.

– Что вам угодно? – с любопытством спросил Кистер.

– Вы будете надо мной смеяться.

– Помилуйте!..

Маша опустила голову, так что только верхняя часть ее лица осталась не закрытой руками, и вполголоса, не без замешательства, спросила Кистера: отчего он никогда не привезет с собой г-на Лучкова? Маша не в первый раз упоминала о нем после бала... Кистер молчал. Маша боязливо выглянула из-за переплетенных пальцев.

– Могу ли я откровенно сказать вам мое мнение? – спросил ее Кистер.

– Отчего же нет? разумеется.

– Мне кажется, Лучков произвел на вас большое впечатление!

– Нет! – отвечала Маша и нагнулась, как бы желая рассмотреть поближе узор; узкая золотая полоска света легла ей на волосы, – нет... но...

– Что но? – проговорил Кистер с улыбкой.

– Вот видите ли, – сказала Маша и приподняла вдруг голову, так что полоска пришлась ей прямо на глаза, – вот видите ли... он...

– Он вас занимает...

– Ну... да... – сказала Маша с расстановкой, покраснела, отвернула немного голову в сторону и в таком положении продолжала говорить, – в нем есть что-то такое... Ведь вот вы смеетесь надо мной, – прибавила она вдруг, быстро взглянув на Федора Федоровича.

Федор Федорович улыбался самой кроткой улыбкой.

– Я вам всё говорю, что только мне вздумается, – продолжала Маша, – я знаю, что вы мой... (она хотела было сказать «друг») хороший приятель.

Кистер наклонился. Маша помолчала и робко протянула ему руку; Федор Федорович почтительно пожал кончики ее пальцев.

– Он, должно быть, большой чудак, – заметила Маша и опять облокотилась на пядьцы.

– Чудак?

– Конечно; он меня и занимает как чудак! – хитро прибавила Маша.

– Лучков – благородный, замечательный человек, – с важностью возразил Кистер. – Его не знают у нас в полку, не ценят, видят в нем только наружную сторону. Конечно, он ожесточен, странен, нетерпелив, но сердце у него доброе.

Маша жадно слушала Федора Федоровича.

– Я его привезу к вам. Я скажу ему, что вас бояться нечего, что смешно ему дичиться... Я ему скажу... О! да я уже знаю, что сказать... То есть вы, однако ж, не думайте, чтоб я... – Кистер смешался; Маша тоже смешалась... – Да и, наконец, ведь он только вам так... нравится...

– Ну, конечно, как многие мне нравятся.

Кистер плутовски посмотрел на нее.

– Хорошо, хорошо, – промолвил он с довольным видом, – я вам его привезу...

– Да нет...

– Хорошо, я ж вам говорю, всё будет хорошо... Уж я устрою.

– Какой вы... – с улыбкой заметила Маша и погрозилась на него. Г-н Перекатов зевнул и открыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания